

Олег Скворцов

СУВЕРЕНИТЕТ

И поехал в отделение, где меня ждало новое дело — непонятный суицид студента. Собственно, до причин и предстояло докапываться, хотя я был уверен, что дело плевое: получил плохую отметку в институте или девушка изменила.

Подходя к отделению, поскользнулся на осколках стекла, упал в лужу и страшно замызганным вошел в коридор. Ко мне сразу же подбежала бухгалтерша и принялась щебетать несущественное. Я кивал, делая вид, что увлечен ее монологом, сам же пробирался к себе в комнату.

Первым делом вытянул из папочки портрет этого парня. Здоровый, румяный, двадцатилетний. Повертел, швырнул на стол, закурил. Закрывать дело сразу я не имел права, требовалось хотя бы для вида съездить по адресам, пообщаться с его родными и друзьями.

Характеристика из института: «Емельяненко В.А. ...ответственный, трудолюбивый... посещал шахматный кружок... в плохой компании замечен не был...» Все в таком роде. Ангел небесный, а не человек. Я позвонил ректору института, и он почти слово в слово повторил характеристику, добавив, что добавить больше нечего.

— А девушки? — ехидно спросил я, — Девушки, наверно, из-за него дрались?

— Не знаю, — смутился ректор.

Он заявил, что в личную жизнь студентов свой нос не сует, и быстро завершил разговор.

Что смутило старика, начал я себя накручивать, может быть, тут зарыта собака? Может быть, имеются скандалы? Нужно поспрашивать студентов. Да и вообще его дворовых друзей.

Я уже собрался отправиться туда, как вдруг позвонила жена и напомнила, что сегодня мы едем на кладбище и я не могу пропустить, потому что иначе она возненавидит меня. Пришлось отпрашиваться, унижаться перед начальством, плестись к автобусной остановке. Мы долго тряслись в салоне, прежде чем показались кресты и оградки.

Церковь, похожая на кондитерское изделие, выпросталась из-за поворота. Мы вышли. Я подхватил жену за руку. Она усмехнулась. И потащила меня, скорей и скорей. Я не понимал, почему она торопится. Отец никуда не уйдет. Он лежит неподвижно под землей, ждет конца света. В прошлый раз на могиле мы пили водку, теперь просто стояли и смотрели на крест и на бугор сухой холодной земли, по которой бегали муравьи. Виднелась даже поздняя божья коровка, и была роса на листьях и стеблях. Мне было нечего сказать о своем отце, я его плохо знал и мало помнил. Жена положила конфетку на могилу и всхлинула. Я для проформы выдал тяжелый вздох и уставился в небо, там висела широкая серая туча, будто огромный пододеяльник, и друг за другом молча летали две неизвестные птицы. От светлой небесной пустоты стало еще холодней. Я закутался в пальто и закурил.

* * *

Утром следующего дня вместо того, чтобы навестить родителей погибшего, я спонтанно завернул в забегаловку и заказал дешевое пойло. И долго тянул его, глядя по сторонам мутнеющими глазами. Какой-то тощий мужик в длинном плаще сидел напротив меня и с наслаждением пожирал шаверму. Его голый кадык двигался, как деталь странной машины. Периодически он тыкал пальцами в сенсорный экран смартфона, оставляя жирные отпечатки.

В конце зала собралась подвыпившая компания. Им было весело. Они громко обсуждали чей-то день рождения, сыпали подробностями. Под столом у них находилась собака, высовывала лохматую морду, встряхивала ею и принималась чесаться.

Я понял, что еще рюмку — и напьюсь. Расплатился, пошел к выходу и в дверном проеме обернулся. Мой сосед доел и тоже поднимался. Компания складывала на подносы тарелки и чашки. Собака упиралась на поводке, но хозяин недовольно тянул ее.

Свежий воздух внезапно проник в меня, и я зашатался, балансируя руками, как слепой. Стало весело, я подумал, что если меня в таком виде заметит кто-нибудь из отдела, увольнения не избежать.

День был тусклый и серый, словно оплавленный воск.

Я сел в маршрутку, приехал в дальний спальный район. Мальчик когда-то жил в одном из множества девятиэтажных домов. Пришлось

покружить и побродить, чтобы найти правильный адрес. Дома казались одинаковыми, дворики были тупиковыми и никуда не вели, обрываясь то забором, то сеткой, то блочной стеной. В подъезде пахло кошками. Я поморщился и осторожно надавил кнопку звонка. Открыла некрасивая женщина лет сорока, с круглыми пустыми глазами, в цветастом халате. Когда я представился, показал красную корочку и шагнул на порог, она отпрянула, видимо, почуяв запах алкоголя. Но я не отступал, мы уселись на диван в большой комнате, почти целиком занятой огромной антресолью, уставленной книжками, стеклянными фигурками, посудой, и она все рассказала.

Виктор стандартный, ординарный ребенок. Семья обычная, как все вокруг. Отношения нормальные. Не пил, не курил. Общался с девочкой, младше на два года, первокурсница.

— Любил ее?

— Откуда мне знать.

— А она?

Женщина посмотрела на меня как на идиота. Разговор уходил в какие-то дебри. Я задавал много ненужных вопросов, заикливался на незначительных мелочах, а главное упускал и оставлял без внимания. Последний день помнила плохо. Обычный понедельник, утро. Из-за праздников отменили занятия. Приготовила шанег, наложила на поднос, несу в комнату. А там гуляет ветер, занавеска колышется. (Как в романтических мелодрамах, подумал я). Ставлю поднос возле постели и ухожу, удивляясь — куда Виктор убежал. И только вечером милиция, расспросы, опознание. Получается, пролежал весь день на козырьке подъезда, никто не заметил. Ничего в поведении странного не было.

Женщина говорила тихо, апатично, замедлялась, все больше уставала от моего визита. Ее клонило в сон, и только мое присутствие мешало лечь в постель. А я, напротив, несмотря на то, что дело казалось элементарным, ощутил подъем и был готов свернуть горы. В записной книжке я даже нарисовал горы, высокие заснеженные пики.

Давно должен был пойти снег, но осень затянулась, и отовсюду веяло гнилыми листьями, я сидел в трамвае и продолжал рисовать — двумя линиями обозначил спуск, схематично вывел лыжника в полете и так увлекся, что пропустил остановку. Пришлось тащиться пешком. Девочка жила в том же спальном районе. Высотки, куда ни посмотришь, нависали надо мной. В серых блоках чувствовалось

нечеловеческое напряжение. Все держится на каком-нибудь одном камне, думал я, достань его — разрушится весь район. Хмель понемногу выветрился из головы, я с интересом смотрел на ребятню, которая носилась по площадке, на разбитных девиц возле подъезда, распухших старух в окошках, и было все равно, поможет беседа с девочкой или нет, хотелось просто куда-то идти, чувствовать трехмерное пространство, двигать руками, ногами, дышать мокрым воздухом, глядеть туда-сюда, запоминать, рисовать.

Она в самом деле ничего не дала, эта беседа. Пришлось дожидаться на кухне. Суетилась маленькая женщина, накладывая печенье. Смущенная запахом спиртного, она хотела меня задобрить любимыми доступными способами. Матери казалось, что я могу принести зло ее ребенку. А мне было все равно. Я равнодушно трогал горячий край блюда с щербинкой.

Первым пришел отец девочки, сутулый крепкий рабочий. Хватал меня за рукав, спрашивал — нашли ли убийцу, и все ли будет хорошо. Я не знал, что ему ответить, потому что никакого убийцы нет, хотя лучше, чтоб был.

Он говорил, по-бабски хлюпая носом: парень отличный, собирались на рыбалку, есть одно озеро недалеко от города.

И тут пришла она, щеки красные с улицы, черные сапоги в грязи. Родители бросились к дочери, как бы защищая от меня, подсознательно опасаясь, что могу накинуться, защелкнуть наручники. Я задал пару вопросов, и стало скучно. Зачем сюда приехал? Открыл блокнот и начал поверх лыжника рисовать бессмысленные завитушки. Вскоре вязь, похожая на армянское письмо, спрятала спортсмена, горы и блеск сочиненных снегов. Ни с кем не конфликтовал, суицидальных мыслей не высказывал, был открытый, общительный, горел планами на будущее. У карандаша сломался грифель. Миллион друзей, хорошие перспективы, почему, собственно, произошла трагедия? Крупный грач сел на толстую ветку, быстро задвигал головкой. Как им удаются такие бешеные космические скорости? Мир они видят, должно быть, в совершенно ином времени. Что бы сказал грач о деле Емельяненко? Девочка продолжала объясняться, но ее голос доносился до меня как сквозь вату. Беспольные, ничего не значащие слова.

И снова ветер ударил в спину, поволокло по тротуару, и я забыл, куда должен отправиться еще. Я почти потерялся в этом районе, полчаса шел наобум, пока не выбрел к остановке. На скамье спал пожилой

мужчина. Гладко выбритый, хорошо одетый. Наверняка могут ограбить. Впрочем, не мое дело. Он лежал на спине. Морщинистые полуоткрытые веки. Расслабленный рыбий рот. Какая-то младенческая беспомощность мерцала в незнакомце. Я низко наклонился над ним и вдруг неожиданно для себя самого проорал:

— Ваши документы, гражданин!

Он встrepенулся, угловатыми сонными движениями сполз на землю, кое-как вскочил на ноги и, пошатываясь, удалился. Я решил, что мужик, должно быть, нагрел телом доски, и сам прилег на скамью. Голова кружилась, а когда взглянул вверх, закружилась еще сильнее. Небо будто медленно поворачивалось налево и направо, и серая муть сделалась еще ниже. И я вспомнил отца. Мне не говорили, чем папа занимается. Уходил утром, возвращался вечером, шурился бумагами, смотрел телевизор. Потом спал. Во сне у него был особенно большой нос. Я боялся носа, но еще больше боялся выговорить свой страх вслух. Мы иногда куда-то с ним ходили, двигались. Он общался с людьми, жестикулировал. Я пинал камни, копался в траве, искал красивых жуков, отчаянно скучал. Он заходил в квартиры к незнакомым мне людям, говорил, жестикулировал. Я присматривался к книгам на полках, дышал странными запахами чужих комнат, играл с пушистыми котами, прятался от собак. Однажды мы поехали в Крым. Во время тихого часа он забрал меня из детского сада. Загremел поезд. Тянулось бесконечное море, весь Крым был водой, лето выдалось жарким. Отец исчезал в голубых волнах, в искрах и бликах, а потом выныривал неизвестно где, и я бегал по берегу и всматривался в ровную даль горизонта, и росла тревога. Кроме ощущения тревоги, ничего, в сущности, не сохранилось в моем сознании от крымских каникул. И я бы ни за что не хотел вернуться обратно и найти свой страх. Мы с отцом никогда не разговаривали, при этом мы не то, чтобы оба были нелюдимы и угрюмы, но о чем могут говорить два разных опыта — неизвестно. Я просто не знаю, что о нем думать. Он был. Я есть.

Как в других семьях? Душещипательные беседы, похлопывания по плечу. Надежда и поддержка. Я, получается, не испытываю того, что называется эмпатией. Вот, например, мне совершенно плевать на этого Емельяненко. Черт его знает, почему убился, вряд ли причина станет известна. Завтра расспрошу остальных, подошью в папочку. Дело закроем. Может, и хорошо, что умер. Жизнь, она ведь не для всех.

Подростки косились на меня, хихикали, отворачивались. Я мрачно уставился на них, поднялся, сел в автобус. Зачем-то ехал до конечной, и за стеклом проплывали, сливаясь, дома, заборы, улицы и лица, все становилось объемной текстурой, липкой и рыхлой.

* * *

В этой части города я не бывал давно. Вдалеке брехала собака. Дородная баба выбивала пыль из паласа, с чудовищным усилием поднимая и опуская хлопалку, палас произносил низкий животный звук, что-то типа «хыыы», и колебался, как радиоволна. В ней было столько силы и странной красоты, что я засмотрелся. Потом опять куда-то побрел, подталкиваемый хлопками паласа. Колени сгибались легко, точно их смазали вазелином, и я пошатывался на слабом ветру.

Вечерело. Серость, которая давила сверху весь день, сгустилась и прорывалась редкими каплями. В магазинчиках загорались лампы, в неярком свете отчетливо виднелись угрюмые рожи обывателей, погруженных в вязкую бесконечную тоску. Народ о чем-то говорил, бормотал, лепетал, спорил, шумел, вздыхал, молчал. Я останавливался подслушать речь — это были междометия, косноязычные фразы, слова, лишённые смысла, слова придушенные, слова невозможные. Я слушал и не понимал, почему люди разговаривают, ведь это нелепо и смехотворно. Случайно вклинился в долгий разговор каких-то женщин, и меня, грубо оборвав, попросили удалиться.

Да, нужно бежать в бухгалтерию, подумалось, я заторопился, пропустил, но понял, что не знаю дороги, и застыл на перекрестке улиц с пышными грузинскими именами. Ко мне обратилась смуглая малолетняя девочка — цыганка? Я не разобрал ни слова, только кивал. Она, не сумев добиться вразумительного ответа, покрутила перед моим лицом грязной ладошкой. Я кивнул и ушел вперед, умом понимая: кричит вдогонку. Однако слов практически не слышал, будто в уши затолкали вату. Сердце колотилось бешено. Хотелось упасть и лежать под лавкой, чтобы никто не замечал, или закатиться в канаву, стать водой и волнообразно улизнуть под мосты, в щели, в глухие глубины.

Я низко склонился над лужей и увидел свое бледное обветренное лицо. Глаза, казалось, светились красным, как два китайских фонаря. Я подумал, что развалюсь на части, если попробую пошевелить-

ся, и несколько минут был неподвижен, сосредоточен. Ко мне кто-то обращался, меня о чем-то спрашивали. Я, кажется, даже отвечал, и, возможно, мои слова имели смысл, но я сам их не понимал. Не понимал, почему вдруг поднялся, отряхнул пальто, побрел по дорожке вдоль пятиэтажных зданий.

Возле ларька стояли мужики, сигареты тлели во мраке, как планеты других планет. Они оживленно обсуждали что-то. Я подошел, смешался с толпой и долго слушал про Зинку, ипотеку, кредитных обманщиков. Иногда голоса пропадали, будто вата в моих ушах увеличивалась в объеме, потом возвращались с непомерной силой, и я отшатывался. Мимо то и дело проезжали автомобили, шуршали шинами и шупали нас фарами. И дождь уже серьезно накрапывал, нащупывал меня. В какой-то момент мужчины притихли и развернулись — мой интеллигентный, писательский облик явно им не нравился. Начали наступать, хватать за лацканы, интересоваться. Я бойко заговорил о чем-то, но не понимал ни единого своего слова, а они, видимо, понимали, потому что задышали громче, задвигались активнее, ладонями, локтями перекрывая мне свет. Чтобы не рухнуть назад под напором суетливых тел, я упал на колени, и толпа прошла через меня. Встать я больше не мог.

Через полчаса под действием дождя с меня слезла кожа. Блестящий железный каркас выступил из ладоней, голова металлическим шаром покачивалась на пружине шеи. Я произносил странные отрывистые звуки, изнутри меня раздавались щелчки, то громкие, то тихие. И ноги прочно вошли в землю, не пошевелить ими. Слезы машинным маслом застывали на шаре. Я куда-то вверх тянул руки, и не сразу понял, что тянусь к фонарям вдоль аллеи. А потом, не сделав ни одного шага, как-то перенесся к ним, и, потеряв уже человеческую остроту глаз, видел странные разрозненные и размытые огни, и, прежде чем окончательно погрузиться в темноту, почувствовал страшное давление на темя.

* * *

Я проснулся в незнакомом районе. Было утро. Я лежал в ворохе гнилых листьев и дрожал от холода. Чтобы согреться, начал прыгать и кричать. Скоро боевой задор появился во мне. И вовремя, потому

что перед милицией не хотелось выглядеть нытиком и робкого вида пареньком. Как отсюда уехать, я не знал, поэтому плелся куда попало и добрался до трамвайной остановки. Две девчущки подросткового возраста подбежали ко мне с разных сторон, и принялись что-то энергично говорить, и дергать, упрасывая. Я ничего не понимал. Слова были молоком. Я смотрел на девочек жалостливо и мягко отталкивал их. В трамвае я завел обволакивающий разговор с кондукторшей. Она сидела на троне, выше остальных, я обращался к ней через три ряда сидений, и, кажется, довольно подробно сумел изложить, в чем суть дела, и думал, что дама мне негромко отвечает, пока не заметил, что она мерно покачивается в такт тряске вагона и, кажется, погружена в тяжкий сон. Потом женщина встала и убрела в дальний конец, монотонно отбивая билеты. Я прислонился лбом к стеклу и с удовольствием отметил, что совсем не чувствую холод. Но прикоснулся пальцем к коже над бровями — лоб ледяной, как могильная плита.

Утреннее небо не показывало солнечный свет, пряча его в рыхлых складках. Однако я знал, что он есть, и пытался его обнаружить, зацепиться взглядом за крошечное отверстие или усилием воли вывести его из мглы. Небо распухало, как труп в бане, снижалось и висло почти над моим носом за стеклом салона, так и не показывая утреннее солнце. Я не понял, как спускаться по ступенькам и обратился к кондукторше с просьбой о помощи. Она посчитала меня психом и скрылась в кабине водителя. Я стоял возле дверей и беспомощно улыбался, осторожно трогая ступней стальной край лестницы. Водитель, бритый налысо мужик, схватил меня за шкирку и выбросил на дорогу. Я охнул от внезапной боли, и трамвай покотил, трясясь и звеня, будто заводная игрушка.

Также тряслись и звенели тонкие дверные створки милицейского управления, куда я забурился через полтора часа, поныкавшись по бесчисленным подъездам, похожим на пыльные шкафы, и узким липким аллеям. Дежурный взял у меня повестку и произнес номер кабинета, при этом мужчина сгорбился, по его спине ползло что-то мягкое, нечеткое.

В коридорах было темно. Свет тут, наверное, никогда не включали. Я поскользнулся на пролитой воде и кубарем вкатился в светлое пустое помещение. Принялся автоматически извиняться, но там никого не было, только в окно, сидя на толстой ветке, смотрела черная птица. Я сел за парту, закинул ногу за ногу, попытался расслабиться

перед встречей со следователем. Но птица продолжала меня нервировать и даже, кажется, сделалась больше в размерах, словно набухла от влажной серости неба. Я раскачивался, стул подо мной скрипел, и под партой что-то периодически скрипело, шумно дышало и трещало, как радиопомехи. Я решил заглянуть туда, и тут в комнату ворвались двое в форме, грубо стащили со стула и пинками заставили войти в соседний кабинет. Я закрывался и оправдывался. Меня никто не слушал.

Следователь расположился передо мной, мрачен и суров. Поигрывал желваками. Он даже не предложил мне сесть, весь допрос я простоял около стола, заваленного бумагами, папочками и канцелярскими принадлежностями. Он задавал вопросы, я отвечал, он качал головой и снова задавал эти же вопросы, думая, что теперь-то отвечу, как надо, но я отвечал точно также, чем выводил его из себя.

— Когда ты виделся в последний раз с Емельяненко?

— А?

— Когда ты в последний раз встречался с Виктором Емельяненко, своим другом, который покончил с собой.

— Как?

— Выпрыгнул из окна.

— Когда?

— На прошлой... Да это я веду допрос, черт возьми! Кто из нас милиционер?

Вопрос застал меня врасплох.

— Не знаю, — честно ответил я.

— Я тебя сейчас изобью, придурок, — пробормотал он, — последний раз спрашиваю: когда в последний раз видел Виктора?

Я не понимал, о чем он ведет речь, и немного наклонился вперед, рассмотреть занятную антиформу между стеной и стриженным затылком.

— В среду, — набум сказал я.

Следователь что-то записал.

— Продолжай.

— Он был пьян, как новорожденная девочка, — ляпнул я и помолчал, стараясь по эмоциям собеседника понять, произвели ли мои слова впечатление, — он был пьян и летел, и куда-то бел. И роль. А там блокпост наливают заново утром истопил истопника и утром избавил не то чтобы избивал нет просто избавил от исходного сходней

погожих деньков и сир и узок и наг и узоры не те не так. Двойное отношение. Отношуние. Однашубие. Одна шуба.

Я понял — больше не могу говорить. Что-то произошло с языком, мозгом или самими вещами, и они не желали вступать в отношения со знаками.

— Соливершил сулицид.

— Суверенитет, — поправил милиционер.

Он, как выяснилось, прекрасно меня понимал.

— Солицидад.

— Суверенитет.

— Совалицит.

— Суверенитет, — одним словом отвечал милиционер на все мои попытки выразить то, что кипело и копошилось внутри моего мозга.

Это мерзкое слово, усиленное многократным повторением, выпи-вало воздух. В комнате становилось душно.

Нужно проветриться.

Милиционер, в такт моим мыслям, насмешливо прошептал:

— Су... веренитет.

Я схватился за горло, покачнулся и навалился на форточку, от-крывая ее и одновременно сдавленно крича:

— Фумицид! Формицид!

Черная толстая ветка чуть не выколола мне глаз, проникнув в окно. Я схватился за нее и полез. Птица снялась с дерева и пропала в небе. И вот я, как играющий мальчик, на суку, на высоте второго этажа. Милиционер косился на меня, открывал и закрывал рот, и оттого, что я не слышал его слова, они казались особенно жуткими.

Суверенитет преследовал меня всю дорогу. Я повторял его на разные лады, и то дико ржал, то, содрогаясь, крестился. Куда иду, я и сам не знал, и только после того, как час проблуждав в темных переулках, вышел к какой-то парикмахерской, возле которой стояли какие-то люди в какой-то одежде, меня осенило: ничто во вселенной не имеет значения, кроме суверенитета. Намерение совершить его стало выходом из всех сегодняшних блужданий там и сям. Витя, говорила мама, поешь шанежек. Мой розовый дом возник за поворо-том. Или это был не мой дом — во всяком случае, ключи подош-ли, и я попал внутрь, и сразу лег на кровать, устраиваясь поудобнее в складках и морщинах пододеяльника. Стало легко. Ноги гудели.

Я зажмурился, перед внутренним взором поплыли обломки того, что еще несколько мгновений назад было моей реальностью. Я ничего не понимал. Я должен совершить — но что? Суверенитет? Солидад? Сулицид? Солистка? И главное, каким образом? Прижаться правым ухом к обоям — будет ли это фумицидом? Или нужно дополнительно потереть себя за пятку?

И вдруг туча в окне куда-то медленно сползла, и распахнулась разноцветная иллюминация. Меньше всего она была похожа на игру лучей восходящего солнца, это было мрачное роение странных разрозненных огней, и вела туда аллея, уставленная бледными фонарями, и, когда я смотрел на нее сверху, она словно парила в воздухе и обрывалась около переливов иных огней, огромных и жутких, и я сперва винил свое плохое зрение и, прищурившись, рассчитывал увидеть горящие окна многоэтажек, отсветы автомобильных фар, но настроил оптику и увидел, что копошатся и мельтешат мириады маленьких светящихся жучков. Они молниеносно переносились туда-сюда, собирались в причудливые конфигурации, распадалась, сверкая и колеблясь. Поэтому так серо было на улицах. Жуки-короеды прибыли из открытого космоса. Они спасают галактику от людей. Пожирают кору головного мозга и тем самым спасают галактику. Я приветствовал жуков дружески, потому что уже не имел с людьми ничего общего. На моем лице застыла улыбка. Я понял, как совершить суверенитет: нужно шагнуть с дивана на пол, даже если это и кажется чудовищно сложным. И куда-то шагнул, только не знаю куда — перед глазами мерцали огни-жуки, все ярче и быстрее, — я провалился в великолепное сияние, сделав шаг с пружинистого дивана. И достиг полной независимости от всего существующего.

